Лариса Прокопьевна Латышева

НЕНЕЦКИЕ СВЯТИЛИЩА ЕВРОПЕЙСКИХ ТУНДР (ПО ИТОГАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ПО НАСЕЛЕННЫМ ПУНКТАМ НЕНЕЦКОГО ОКРУГА)

В течение многих лет научные сотрудники Ненецкого краеведческого музея совершают историко-этнографические экспедиции по населенным пунктам Ненецкого автономного округа от Канинского полуострова до предгорий Северного Урала. Одной из важнейших задач, поставленных перед участниками экспедиций, является сбор информационного материала об особенностях духовной жизни населения, в частности, касающихся ненецких святилищ европейских тундр.

На рубеже I и II тысячелетий появились связи ненцев с русскими поморами, осваивавшими Европейский Север. В XVI в. началось проникновение на Европейский Север коми-зырян. Смежное проживание (особенно с представителями русского народа) оказало большое влияние на материальную и духовную культуру ненцев и в свою очередь русские и коми восприняли ряд элементов ненецкой культуры.

Как известно, в основе религиозных верований ненцев лежат анимистические представления. Имеется весьма многочисленный и сложный пантеон богов и духов, определяющих все явления природы и всё происходящее в жизни человека.

Традиционно многочисленным духам и богам приносили жертвы и дары на особых священных местах, отмеченных высшей сакральной значимостью. Священное место не имеет точно установленных границ, переходя в окружающий ландшафт. Обычно оно располагается

Религиоведческие исследования. 2 (16). 2017.
doi:10.23761/rrs2017-16.132-142

на приметных местах, возле камня особой формы, на вершине сопки, на берегу озера, реки. Место признавалось священным по указанию шамана (посредник между миром духов и миром людей). В таких местах запрещена или ограничена хозяйственная деятельность[1].

В работах Т. Лехтисало, К.Ф. Карьялайнена, И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева, А.Д. Евсюгина, Н.М.Теребихина, Г.П. Харючи и др. широко освящается вопрос, касающийся священных мест. Таким образом, можно выделить следующие их виды: общенародные, семейно-родовые, личные и женские.

Священные места относятся к памятникам духовной культуры, которые сформировались на протяжении длительного времени. Можно сказать, что это храмы под открытым небом. Принципиальным отличием священного места от храма, характерного для мировых религий, является его предназначенность только для посвященных, избранных[2]. То есть в ненецком язычестве главным храмом считался не тот, что чаще других посещается, а тот, что почти недоступен или доступен только посвященным[3].

Кто бы ни проезжал мимо этих мест, обязательно должен был что-нибудь оставить, иначе, как считалось, может случиться несчастье. Принесение жертвы соответствовало кормлению духа, который взамен мог послать удачу в промыслах или выздоровление больного[4].

«Жертвы приносят четыре раза в год: летом, когда появляется трава; осенью, когда трава вянет; при выпадении

[1] Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск, 2001. С.83.

[2] Гемуев И.Н. Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места. Новосибирск, 1986. С.154.

[3] Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С.380.

[4] Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб: Русский двор, 1995. С.219.

первого снега и зимой, когда солнце поднимается выше тундрового леса. Приносится жертва и при рождении ребенка…»[1].

Каждый ненецкий род имел свое святое место и хранил память о нём. Святилищ в европейских тундрах всегда было довольно много. Далеко неполный перечень священных мест, существовавших в европейских тундрах (около 30) приводят в монографии «Тернистый путь к православию» Н.А. Окладников и Н.Н. Матафанов[2]. Главными жертвенными местами для ненцев всех тундр являлись остров Вайгач - *Хэхэ ӈо* и Козьмин перелесок – *Харв Под*, находящиеся на территории Ненецкого автономного округа.

В XIX в. часть ненцев восприняла православие, подавляющее же большинство продолжало верить в духов. Вообще первые попытки христианизации самоедов относятся к концу XVI в. С тех пор миссионерская деятельность проводилась регулярно, но с переменным успехом. Самым значительным событием в этом направлении была «Самоедская духовная миссия» под руководством архимандрита Антониево-Сийского монастыря Вениамина. За период деятельности духовной миссии в тундрах Европейского Севера с января 1825 года по 1 мая 1830 года было окрещено 3303 ненца обоего пола. Большое внимание в своей деятельности миссия уделяла уничтожению атрибутов прежней дохристианской веры. Были разрушены не только семейные и родовые, но и общественные святилища, включая жертвенный комплекс на Вайгаче. Деревянные идолы сжигались публично,

---

[1] Толкачев В.Ф. Россия. Крайний Север. Власть//Ненецкий край: сквозь вьюги лет. Архангельск, 2000. С. 269.

[2] Окладников Н.А., Матафанов Н.Н. Тернистый путь к православию. Из истории обращения в христианство ненцев архангельских тундр. Архангельск, 2008. С. 34-45.

каменные разбивались и на их месте сооружались христианские кресты[1].

Однако крещение ненцев по существу было формальным, после отъезда миссионеров ненцы восстанавливали прежние жертвенные места, разрушенные миссией. С тех пор на территории Ненецкого округа сохраняется двоеверие.

В ходе экспедиций, 2010-2014 гг. по населенным пунктам Ненецкого округа удалось выявить святые и обрядовые места ненцев Европейского Севера, а также некоторые особенности духовной жизни местного населения.

По воспоминаниям старожилов п. Бугрино[2] на острове Колгуев существует несколько священных мест: на северо-западе острова у истоков реки Великой есть священное место – Косая сопка; на северо-востоке, между рекой Песчанка и озером Песчаное – Хэхэ седа (Священная сопка); на южном берегу острова на реке Бугрянка, где клин и дальше речка совсем мелкая (ближе к истокам) расположено священное место Яльпя, у истоков р. Васькиной - Хэхэ сяд (Священный обрыв), а на реке Губистая - сопка Сейкарха (Большое Сердце). Эта сопка издалека похожа на сердце, поэтому увидев ее, путник никогда не ошибется.

В доме одного из старожилов был выявлен факт из духовной жизни семьи острова Колгуев: после смерти одного из членов семьи, убирался святой лик на главной реликвии - иконе XIX в., принадлежавшей ранее Колгуевской часовне[3]: Таким образом, на Иконе, отсутствовали пять ликов святых. Интересно, что сами хранители не смогли

[1] Евсюгин А.Д. Ненцы архангельских тундр. Архангельск, 1979. С.92.

[2] Со слов Ардеева Альберта Григорьевича и Ардеева Иона Ивановича// НКМ.- Талеева Л.П. Митькин С.А. Научный отчет по итогам экспедиции в п. Бугрино, 2010 г, Прил. 1. п. 4, 5.

[3] Со слов Ардеева Александра Михайловича //НКМ.- Талеева Л.П. Митькин С.А. Научный отчет по итогам экспедиции в п. Бугрино, 2010 г, Прил. 1. п. 10.

объяснить данный факт и не знали, какой ценностью обладают, так как никто и никогда не снимал икону со стены и не рассматривал. Это удалось установить научным сотрудникам Ненецкого краеведческого музея по надписи, сделанной карандашом, на оборотной стороне по нижнему краю. Надпись гласит: «Сей Святый образъ поставленъ въ Часовне на острове Колгуеве В 1864 мъ Году Кублен на собственное пожертвования крестьянином Пустозерской волости Николая Семеновича Лудникова. За 20 рублей серебром».

Известно, что ни у одного народа в мире, и у ненецкого народа в частности, не практиковалась данная традиция. Наоборот, после христианизации, предметы христианского культа почитались, всегда располагались, и располагаются в современное время, рядом с языческими сакральными предметами в жилищах кочевого и оседлого населения. Можно предположить, что эта семейная традиция демонстрирует сохраняющееся у ненецкого народа с XIX в. двоеверие.

Веря в загробную жизнь человека, ненцы на могиле оставляли вещи покойного. Предание утверждало, все вещи и предметы покойного должны быть побиты, разрушены, живые не могут пользоваться ими. Например, у саней ломали правый полоз. В мужскую могилу клали нож, топор, ружье и т.д. все орудия труда и охоты, а также котел, ложку, рожок с табаком, трубку и т.д. В женскую могилу клали чашку, котел для варки пищи, ложку, все швейные принадлежности и другие предметы хозяйственного обихода[1].

Так как принадлежавшая главе семейства икона не могла быть испорчена и оставлена на могиле, один святой лик был просто убран, уничтожен. Таким образом, традиция погребения была соблюдена. Конечно, данное

[1] Евсюгин А.Д. Указ. соч. С.87.

обстоятельство еще требует своего глубокого изучения.

По словам жителей п. Усть-Кара[1] (крайний северо-восток округа) существует священное место под названием Ванчал, расположено при впадении реки Тохорэй-то в р. Кара. Здесь скалы с одной стороны напоминают ненецкие чумы, а с другой – русскую печку с трубой.

Именно на этом месте проводился обряд первой пойманной рыбы, как только река весной открывалась ото льда. Женщина-хозяйка семьи, обязательно из первой пойманной рыбы варила уху (обычно это был голец). Выносила стол на улицу, разливала уху в семь тарелок и не разрешала детям есть, пока не остынет (считалось, что таким образом питаются духи). Как только пища остывала, все садились за стол. После этого самую первую тарелку с рыбой относили на священное место, ставили там, где скала напоминает печку с трубой. Именно в этом месте среди камней растет один единственный куст ивняка, а вокруг больше их нет. Здесь возле куста и оставляли тарелку с рыбой. Таким образом, поступали каждую весну. Женщинам и девушкам запрещалось посещать это место. Детям не разрешалось бегать и играть возле этого места, особенно с той стороны, где была русская печка с трубой.

Участникам экспедиции удалось зафиксировать легенду о происхождении обряда, связанного с Хозяйкой реки Кара на святом месте Ванчал. Издревле по берегам реки Кара люди неоднократно встречали женщину в нарядной зимней панице, богато украшенной красивыми меховыми узорами. Встреча с ней приносила людям либо счастье и радость, либо горе.

В связи с этим, тундровики рассказывают один случай, произошедший возле священного места Ванчал. Однажды летом 2-3-х летняя девочка одного из стойбищ играла не

[1] Со слов Лаптандер Елены Петровны //НКМ.- Талеева Л.П. Научный отчет по итогам экспедиции в п. Усть-Кара, 2011 г, Прил. 1. п. 16.

далеко от своего чума. Вдруг она увидела ослепительно белого зайчика, прыгающего по скалам. Засмотревшись на такое чудо, ребенок побежал за ним и не заметил, что очень отдалился от родного стойбища. Вскоре мама заметила исчезновение своей дочери и собрала людей на поиски. Люди безрезультатно искали ее несколько дней, в течение которых шел проливной дождь. Почти потеряв надежду, они вдруг увидели девочку, сидящую на скале. На удивление всех присутствующих, она была ухоженная, чистая, сухая и веселая. Мама спросила ее о том, где же она была все это время. Девочка ответила, что была в гостях у красивой женщины с белым зайчиком, у которой в чуме всего было вдоволь, а столы ломились от разных яств. Что через реку ее перевел белый зайчик, а дом этой женщины находится между скал на Ванчале. И тут люди поняли, что девочка была в гостях у Хозяйки реки Кара.

После этого случая отец девочки, за милостивое отношение к своей дочери, решил принести дар Хозяйке реки Кара – белого оленя, самого красивого в своем стаде. Он сбросил жертву с большой скалы в реку Кара, воды которой быстро поглотили ее.

С тех пор родители всегда рассказывают эту легенду своим детям, чтобы они не уходили далеко от чума, тем самым оберегая детей от беды. А дети, в свою очередь, боятся увидеть ослепительно белого зайчика, прыгающего по скалам.

В деревне Кия[1] (западное побережье Канинского полуострова) бытует местная деревенская традиция, связанная с сакральным местом ненецкого народа, озвученная когда-то Маргаритой Артемьевной Ханзеровой, сестрой известного в Ненецком округе учителя и автора

[1] Со слов Хозяинова Виталия Алексеевича //НКМ.- Талеева Л.П. Коротаев А.В. Научный отчет по итогам экспедиции в д. Кия, 2013 г, Прил. 1. п. 8.

пособий по ненецкому языку - Ханзеровой Валентины Артемьевны.

В тундре, примерно в 20-ти километрах от деревни находится «Синяя сопка», иногда называемая «шаман-гора» (на топографической карте полуострова Канин - Кийская сопка). Каждый житель, особенно, идущий на промысел, перед предстоящей поездкой или перед началом нового дела, чтобы ему сопутствовала удача, обязательно должен встать спиной к сопке и бросить через плечо монеты в сторону этого священного места. И тогда непременно все будет хорошо.

В чудеса про Синюю сопку местные жители, ненецкое и русское население, верят, так как многие испытали эти чудеса на себе. Однажды один житель деревни пришел к этой сопке, решил отдохнуть и немного перекусить. Открыл консервную банку ножом и воткнул нож в содержимое банки. Буквально через несколько секунд нож бесследно исчез. Поиск не дал положительных результатов.

Еще один случай произошел с ним и его друзьями, когда они решили заночевать у данного места. Комаров было много, поэтому решили устроиться на ночлег не у подножия сопки, а на самой сопке. Когда утром проснулись, то обнаружили, что находятся не на вершине, куда легли на ночлег, а у подножия, точно в таком же положении, как и засыпали на вершине.

Другое святое место называется Сиртя сопка. Говорят, что Сиртя-сопка потому так и называется, что когда-то давно, у ее подножия видели маленьких человечков. Нынешние жители этого факта ни подтвердить, ни опровергнуть не могут – маленьких человечков сами ни разу не видели.

Как известно, сиртя (а также сиирття, сихиртя) — в ненецкой мифологии это мифический народ, ныне живущий под землёй, боящийся дневного света, обитавший

в заполярной тундре до прихода ненцев — «настоящих людей». Сиртя описываются как люди очень низкого роста.

Существуют различные этимологии данного мифонима: как производное от глагола «сихирць» (приобрести землистый цвет кожи, чуждаться, избегать), от «си» (отверстие, дыра), от названия жука «си» (в которого превращается душа умершего).

Существует версия, что сиртя — ненецкое название племени печора[1]. В раннее средневековье V—X вв. н. э., в субарктических широтах северо-востока Европы жили племена охотников на морских зверей и северных оленей, этническая принадлежность которых не установлена. Распространена гипотеза, что этот народ пришёл с нижней Оби. Другая гипотеза считает этот народ выходцами с берегов Белого моря, из земель, заселённых протосаамскими и чудскими племенами. Возможно, что они во второй половине I тысячелетия нашей эры обжили тундры северо-востока Европы и проникли на Ямал. Разговаривали эти люди, вероятно, на древнесаамском языке.

В русских летописях XI—XIV вв. этот народ называется «печера», а в ненецких легендах — «сиртя», или «сихиртя», это название сохранилось до наших времен в отдельных топонимах: Сиртя-саля (мыс Сирти), Сиртя-яха (река Сирти), река Печора.

В настоящее время нет точных ответов на вопросы, как долго эти племена заселяли субарктические территории и что случилось с ними дальше[2].

По итогам историко-этнографических экспедиций по населенным пунктам Ненецкого автономного округа был сделан вывод, что выявленные священные места

---

[1] Печо́ра, Печёра, Пече́ра — возможно финно-угорское, или самодийское племя, населявшее район р. Печоры.

[2] Ненецкий автономный округ. Энциклопедический словарь / Сост. Л. Ю. Корепанова, М.: Дом Книги «Аванта+», 2001. С. 304.

Ненецкого округа в научной литературе не упоминаются. На сегодняшний момент все они являются действующими, а процесс образования новых — не прекращается. Так один из жителей п. Бугрино, давно покинувший остров, после очередного посещения родных мест образовал свое личное святое место. По словам очевидца, произошло это после того, как он заметил на берегу плавник причудливой формы в виде идола с руками. Теперь ежегодно он посещает это место и приносит дары духу данного места в виде монет, колокольчиков, табака и т.п.

Надо отметить тот факт, что абсолютно все святые места информаторы показать отказались по причине того, что «узнают, придут, разграбят и осквернят», поэтому удалось зафиксировать лишь небольшую часть.

В 2014 году Ненецкий краеведческий музей закончил историко-этнографические экспедиции с целью научного описания населенных пунктов. Начал активную работу по подготовке долгосрочного экспедиционного проекта «Священные места Ненецкого автономного округа». Проект направлен на фиксацию свидетельств очевидцев и потомков очевидцев о событиях духовной жизни прошедшего столетия и сбор атрибутов, связанных с религиозными верованиями ненцев. Он в свою очередь будет состоять из трех отдельных проектов: «Культовые места Древнего Канина», «Святилища Седого Тимана» и «Капища Большеземелья и горного кряжа Пай Хой».

Языческие верования ненцев представляют большой интерес для науки, изучающей далекое прошлое человечества. К сожалению, имеющиеся в литературе сведения о религиозных взглядах, традициях, обрядовых и культовых местах ненцев Европейского Севера отрывочны, зачастую поверхностны. Поэтому остро стоит вопрос о необходимости пополнять имеющиеся сведения. Таким

образом, можно надеяться, что материал, собранный во время этнографических экспедиций по населенным пунктам Ненецкого автономного округа позволит уточнить, углубить, а в некоторых вопросах и обогатить наши знания по этим вопросам.